

в этих фотографиях видела искусство, группа художников, в свою очередь совершенно неизвестных публике? То, что стоит здесь на кону, – это очевидным образом сила частного порыва, как и независимость от художественных институтов. Однако не одно это имеет значение, претворяясь в то, что мы по-прежнему признаем за «искусство». Побуждение сопровождается самим проектом, который, в лучшем из возможных случаев, охватывает жизнь. Если у этого проекта мощный изыскательский потенциал, если в том или ином виде он *социален*, тогда наверняка мы насладимся его художественным воплощением. Говоря «социальный», я имею в виду сообщничество со своим временем и местом. Борис Михайлов безусловно социален в том, что он исследует жизнь своих современников. Включая их фантазийную жизнь и даже отталкиваясь от нее. Но также это человек, имеющий настоящую страсть к жизни, и ему довелось найти уникальные и замечательно разнообразные способы перевести эту страсть в фотографию. Не сострадание, но общая полная радости страсть; приватность, неотделимая от жизни других, та, что *и есть* разделение жизни с другими, – в этом я вижу неповторимую черту его искусства.

«Апокалипсис сегодня»

Интервью Нины Сосны с Ильей Кормильцевым

■ **Н.С.** *Вы известны прежде всего как переводчик художественных текстов и поэт. Как бы Вы определили проект, связанный с созданным Вами издательством «Ультра.Культура»? Входит ли для Вас в понятие литературы то, что там издается? Кому адресованы Ваши книги?*

■ **И.К.** Дальше обычно начинаются вопросы типа «Как Вы себя позиционируете?». В первую очередь, это говорит об извращенности сознания. В этом и проявляется отчуждение человека от труда. Восемьдесят процентов вопросов, которые мне задают журналисты, приводят меня в бешенство. Эти вопросы могут придумать только люди, которые давно и тяжело болеют.

Вопросы дистрибуции и прочего не являются определяющими. Это вторично. Я никогда не думал и мне совершенно не интересно, кому все это адресовано. Ни один нормальный человек, делая что-то, не думает о том, кому это надо. Конечно, не безразлично, читают книги или нет. Читают нас разные люди – я думаю, больше люди младшего возраста, потому что молодые более активны. Но вообще не могу сказать, что меня это очень интересует. Интенция исходит совсем из другого: какие тексты ты считаешь необходимыми сам – то есть из их существования, а не из того, интересны ли они ко-

му-нибудь. Речь о публике – всего лишь способ обеспечить существование процесса в нынешних условиях. Вообще, что такое литература?

■ **Н.С.** *Это вопрос.*

■ **И.К.** А я не только не знаю, что такое литература, но и никогда не задавался этим вопросом. Он мне безразличен. Он должен волновать только тех людей, которые делают на этом, ну, не знаю, свое культурологическое, литературоведческое, творческое состояние. Я считаю, что процесс, если иметь в виду издательское дело, очень прост: ты считаешь какие-то книги по каким-то причинам нужными или интересными, вот ты их и делаешь. Философемы за этим, конечно, какие-то есть. Если имеются у нас некие общеполитические установки, то они скорее не литературного свойства, а социологического, культурологического. Есть четкое понимание того, что мы живем в эпоху сужающегося дискурса, и попытки этому сужению противостоят.

■ **Н.С.** *Поясните, пожалуйста, что Вы имеете в виду под сужающимся дискурсом.*

■ **И.К.** Сужающийся дискурс – это выработка некоего единомыслия в рамках культуры, того, что считают базовой цивилизацией. Это сокращение дискурса, потому что вырабатывается общая идеология, о чем, собственно, последние двести лет различные прозорливцы неоднократно нас предупреждали.

■ **Н.С.** *Тогда то, что Вы издаете, имеет культурологическую сверхзадачу, задачу просвещения?*

■ **И.К.** «Культурологическая задача» звучит слишком сухо и занудно. Скорее, это поиск единомышленников путем... засылки программных вирусов.

■ **Н.С.** *Но в связи с этим неизбежно возникает вопрос об ответственности за то, что вы делаете. Видите ли Вы контекст, в который вписывается Ваша продукция?*

■ **И.К.** Контекст, конечно, существует: мы в своей озабоченности не одни на белом свете. Я все-таки думаю, что многие люди замечают, что что-то не так. Этот контекст можно называть

всякими умными словами. Назовем это «метафизическим сопротивлением». Мир имеет начало и конец, движется по определенной исторической траектории, и эта траектория есть поле борьбы между определенными силами. Мир устроен неправильно, и нынешнее его состояние – это состояние падения. Метафизическое сопротивление к этому и сводится, а не когда под сомнение ставится бюджет на 2005 год.

■ **Н.С.** *Вы используете термины «история», «конец», «начало», «мир» – они тоже входят в понятие метафизики?*

■ **И.К.** Безусловно. Сопротивление потому и метафизическое, что относится к существующему положению вещей как ... к тюрьме, и кто-то занимается ремонтом тюремной камеры, а кто-то ставит вопрос о том, что он находится в тюрьме. Есть разница между социально-политическим и метафизическим протестом. Здесь и проходит граница. Хотя к вопросу нужно подходить диалектически: социально-политическое недовольство может быть поводом, первым шагом в развитии дальнейшего. Так же как и метафизический протест, доведенный до абсурда, без учета реальных, имеющихся в распоряжении человечества на данной исторической стадии средств, превращается в абсурдный анархизм, дешевую Достоевщину. Потому что интенция сама по себе не содержит возможности реализации. Здесь можно двигаться с разных сторон. Кто-то от недовольства тем, как покрашены стены его камеры, может прийти к пониманию того, что он находится в тюрьме. А кто-то от общего откровения о том, что он находится в тюрьме, приходит к тому, чтобы добиться хотя бы, например, увеличения времени прогулки. То есть люди идут разными путями.

■ **Н.С.** *Значит, Вас интересует действие?*

■ **И.К.** Да, интересует. Наш рабочий слоган на 2004-2005 годы «Книга – это оружие». Этим практически все сказано.

■ **Н.С.** *И кто же держит это оружие? Ваша последняя книга «Культура времен апокалипсиса», вышедшая в конце января, и выводит на сцену новых героев?*

■ **И.К.** Авторы этой книги? Там собраны отрывки из текстов... Скажем так: это коктейль идей и представлений, некото-

рые из которых имеют протестный потенциал, некоторые, наоборот, представляют собой свидетельство о падшем состоянии мира. Тут все очень сложно. Граница между осознанием отчуждения и преодолением отчуждения очень сложна, потому что некоторые протесты, о чем мы сейчас говорили, могут быть абсурдны по последствиям, как, например, подростковый суицид. Это абсурдное решение с точки зрения взаимодействия личности с реальностью, за которым опять-таки стоит объективная интенция. Точно так же все эти странные, безумные люди свидетельствуют об определенном состоянии, когда возможен следующий шаг – перейти к сознательному протесту. Нам же что пытаются внушить? Что мы офигенно неплохо живем. Хотя есть отдельные недостатки. Требуется больше расходов, скажем, на социальную сферу, требуется что-то улучшать... такой сплошной улучшайзинг. А за этим улучшайзингом скрывается то, что ничего хорошего-то и нет. То есть духовный мир современного человека, городского, цивилизованного, – это поле сплошного непрерывающегося кошмара, которое тщательно скрывается при помощи механизмов вытеснения. Иногда это вырывается: благополучный человек вдруг возьмет и зарежет кого-нибудь. Или бросится под трамвай – непонятно, зачем он это сделал, если улучшайзинг царит во всем.

Собственно говоря, задача хозяев дискурса – скрыть моменты, которые свидетельствовали бы о тотальной лжи, которые могли бы прорвать эту поверхность нарисованного горшка с кипящей похлебкой – картинку, висевшую у Папы Карло... Проблема не в том, хороши или плохи какие-нибудь каннибалы. Проблема в другом – имеем ли мы право знать, что они есть, или нет, и почему это происходит. На самом деле, с моей точки зрения – которую можно оспаривать, – сейчас некоторые из тех, кто пытается по возможности вытеснить подполье сознания на периферию отрефлексированного информационного поля вообще, имеют в планах гораздо более страшные перспективы, чем какой-нибудь ритуальный каннибализм. Так мне кажется.

■ **Н.С.** *Можете ли Вы как-то намекнуть, что это за перспективы?*

■ **И.К.** А что на них намекать? Ну почитайте, подумайте над любыми визионерами – в общем, поймете, какие это перспективы. Зачем это уточнять?.. И так все понятно: создается тотальный контроль в интересах некоей внегуманной сущности. Точнее определить трудно. Более точное определение сразу ввергает в узы ставших идеологом: вот я скажу сейчас что-то, а Вы на это: «А-а! Религиозный фундаменталист»; скажу что-нибудь другое...

■ **Н.С.** *Этакий ярлык, жутел...*

■ **И.К.** Да. Способ списать реальность, объявив ее тотально понятной. Хотя если я Вас сейчас спрошу о том, что такое религиозный фундаменталист, рождаются ли религиозными фундаменталистами или ими становятся, культурное это или генетическое, – Вы засыплетесь на каждом из этих вопросов. Это работает и на бытовом уровне: мы говорим про человека, который ведет себя не нравящимся нам образом, «голубой», «козел» – и все, можем больше не анализировать его поступки, ответ уже не нужен. Тоже своеобразный способ вытеснения. Поэтому я не хочу давать никаких конкретных ответов на этот вопрос.

Но общее ощущение движения в определенную сторону некоего исторического процесса у любого не совсем слепого и размышляющего человека неизбежно возникает. Ответы могут быть разными. Возможно, они все и правильные, просто представляют собой частные случаи отображения проблемы. Мне нравится один пример – из дискуссий по поводу НЛО. Одни говорят: «Это инопланетяне», другие – «Это демоны». А я говорю: какая разница? Это все одно и то же. Дистинкция ложна изначально. Можно ли договориться с теми или с другими? Их интересы параллельны человечеству или перпендикулярны? Ведь во многом это вопрос выбора слов. Вопрос кодирования.

■ **Н.С.** *Речь идет об эффекте сил?*

■ **И.К.** Речь идет о том, кто контролирует язык. Тот, кто контролирует язык – переходя в лакановскую терминологию, – контролирует не Реальное, но реальность. Реальное недос-

тупно его контролю, потому что внеположно ему. Но реальность-то описывается в языке. Тут можно вспомнить Оруэлла – но это и так слишком хорошо известно, не буду повторять. Реальность, которая создана нашим сознанием, полностью контролируется лингвистическими средствами. Кто придумал слово, навязал его, тот и контролирует эту часть реальности.

■ **Н.С.** *Можно ли сказать, что в этих текстах осуществляется попытка указать на силы, действующие до языка?*

■ **И.К.** Нет, это скорее попытка взорвать язык. Поскольку языковые нормы потом все равно костенеют, их нужно взрывать постоянно – это перманентный процесс. «Перманентная революция» – очень точный в свое время был термин. Потому что любая революция по определению является перманентной. А словесное кодирование позволяет революционеров, одержавших победу, продолжать называть революционерами, хотя на самом деле в этот момент они делаются контрреволюционерами. Настоящая революция уходит куда-то в другое место – ее участников называют бунтовщиками, отщепенцами, мятежниками... Любая революция перманентна, тем более литературная. Точнее, революция в области символических ценностей, в области образов – хоть художественная, хоть лингвистическая – должна происходить все время.

Все дистинкции, которые навязаны формальной логикой – вы печатаете профашистские книжки, вы печатаете коммунистические книжки, – это чушь, потому что от меня требуют, чтобы я и сверлил дырку, и мыл пол дрелью. Нет, я буду сверлить дрелью, а пол мыть тряпкой и т.д. и т.п. То есть для подрыва какой-нибудь существующей твердыни я возьму тот ключ, который больше подходит – фундаменталистский, материалистический, интернационалистический, анархистский. Вот это всем руководящее преклонение перед идеологемами как вещами в себе, которые ценны сами по себе, – типичный пример гипноза словами. Все наоборот. Не коммунизм определял действия коммунистов, а люди, которые называли себя коммунистами, формировали понятие того, что они считали ком-

мунизмом. В 1848 году это было одно понятие, в 1917-м – уже другое, а в 1953-м – совершенно третье. Все это всегда забывается, потому что для господствующей власти неприятна необходимость постоянного разрушения. Это для нее неконструктивно. Считается, что если так действовать, все развалится – перестанут собираться налоги, удваиваться ВВП и т.д. и т.п. При этом никто не может объяснить, а зачем это нужно. Иначе говоря, это жизнь в придуманном мире, который принимается за Реальное. Не факт, что если я буду жить натуральным хозяйством на каком-нибудь острове, мое счастье будет меньшим. Не факт, что существующие глобальные экономические и прочие проблемы являются причиной существующего ныне положения вещей, а не его последствиями. Идет постоянная игра, и игра эта упирается и разрешается на уровне осознания определенной специфики и проблематики устройства человеческой психики. Пока мы не разрушим в порошок крепость человеческого сознания, эти проблемы будут генерироваться. Насилие, угнетение и страдание будут воспроизводиться бесконечно.

Будем в настоящий момент рассуждать как буддисты. Это в данном случае удобная парадигма, потому что то, что является устройством вербально мыслящего человеческого сознания, работой коры мозга, Будда принял за устройство Вселенной. И цикл человеческого сознания – это, действительно, бесконечное воспроизведение страдания. Понимаете, вот политического человека спрашивают: «Ты – коммунист или фашист? Ты – либерал или консерватор, скажи мне?», а ученого никто не припирает к стенке: «Ты за Эйнштейна или за Ньютона?» Потому что ученый сразу разведет руками и скажет: «Все зависит от систем, от типа системы скорости и энергии, которую мы исследуем». В гуманитарной области подобный релятивистский подход успехом не пользуется. Потому что для власти сам естественнонаучный дискурс – в отличие от оружия или энергии – необходимым не является. Какая разница, по Ньютону или по Эйнштейну движется тело. А гуманитарный дискурс является

фундаментом власти, и релятивизм ставит под сомнение саму необходимость существования власти как таковой – внеположной по отношению к личности. Поэтому, конечно, сопротивление на этом направлении гораздо более чудовищное. Когда власть становится чересчур тотальной, ее начинают интересовать вопросы генетики, кибернетики – это когда власть распирает от стремления подчинить любой дискурс, даже тот, который не является непосредственно нужным в настоящий момент. Разбухающая власть всегда начинает приобретать квазирелигиозные параметры. Сейчас не та эпоха, сейчас к естественным наукам существует некое абсолютное доверие в современном так называемом либеральном мире. Между прочим, зря. Они ведь тоже занимаются не только освоением, но и процессом трактовки. Там тоже все не так просто, только сложно найти авторов, которые могли бы интересно об этом написать.

■ **Н.С.** *Но есть и другое мнение: власть интересуется только естественными науками, как Вы говорите, а на то, что делается в гуманитарных, вообще не обращает внимания.*

■ **И.К.** Это на сто процентов не так. Иначе политический, политологический процесс формировался бы физиками и математиками, а не выпускниками философских и социологических факультетов.

■ **Н.С.** *То есть «власти предрержащие» – это философы и политологи?*

■ **И.К.** Я имею в виду состав экспертного совета. Плюс юристы, хотя они и проблематичные гуманитарии – это же неисследовательская, техническая дисциплина, техническая в смысле «технэ» как набора инструкций. Хотя у нас, возможно, институты образованы костяком гуманитарного аппарата в меньшей мере, чем на Западе. Ученых не спрашивают, как нам справиться, к примеру, с проблемами сепаратизма. Естественникам предъявляются конкретные задачи. Хотя это очень тонкая система, она может в любой момент сломаться, потому что естественники способны изобретать инструменты, взрывающие устройство сознания. Они создают внеязыковые вещи, перед

вызовом которых язык вынужден переструктурироваться и создавать новые инструменты описания. Внутри себя язык может подготовить взрыв с большим трудом, потому что он есть бесконечное вращение кубика Рубика. Ученый своим открытием на секунду срывает покрывало реальности с Реального и в лоб ставит нас перед ужасом мира.

■ **Н.С.** *Имеют ли отношение к инструментам, о которых Вы говорите, новые технологии?*

■ **И.К.** Да, конечно. Человек живет в мире, где поверхности всех вещей, их фактуры смоделированы человеческим сознанием. То есть мы живем в мире, в котором Реальное холодильника можно узнать, только стукнувшись о его реальность головой, – тогда понимаешь, что это мертвая, враждебная вещь. А так мир, созданный руками человека, подогнан под картину реальности – мы живем среди сплошных декораций. Причем в городе точно так же, как и в деревне. То, что там существует какая-то природа, – это большая иллюзия. Все подвергнуто дизайну.

■ **Н.С.** *Мой вопрос относился скорее к так называемым цифровым технологиям, производящим некоторый образ без необходимой связи с тем, от чего он, так сказать, исходит...*

■ **И.К.** Это следующий этап. Да, об холодильник можно хотя бы головой стукнуться, а об оцифрованный холодильник уже нельзя стукнуться даже головой. Процесс сам по себе на самом деле правильный. Виртуализация и обозначает направление выхода из Реального вообще в область полностью контролируемой реальности. Это и есть тот самый теозис, о котором так много и долго говорили теологи, только они не хотят признать его за родного. Понятно почему. А это и есть движение к парусии, к прекращению бытия в реальном мире. Мы его и наблюдаем. Другой вопрос, что черт-то тоже не дремлет. Все это обременено всякими парадоксами, искажениями, извращениями. Поэтому нужна постоянная рефлексия, столкновение мнений – иначе мы окажемся не в раю, а в аду. О том, что именно туда, к чистой энтропии, мы и движемся, говорит теория вероятности. Если бы воля и разум это не

одухотворяли, человечество неизбежно свалилось бы в ад сразу, как только был разожжен первый костер. То, что оно до сих пор живо, – это чудо из чудес. Если вам нужно реальное и явленное чудо, то это оно и есть: то, что мы все еще существуем вопреки собственному стремлению уничтожить все окружающее.

■ **Н.С.** *Пишите ли Вы стихи?*

■ **И.К.** Немножко пишу, но, вообще, почти ничем, кроме изданий, не занимаюсь – что очень печально. Хорошо, что сейчас иногда возникают самые неожиданные союзы. Людей, которым надоела ситуация
...

IV